

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА, ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Н.И. Матузов*

Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания

В практической жизни люди чаще всего сталкиваются с различными проявлениями правового нигилизма. Он постоянно у всех на слуху, не сходит со страниц печати, экранов телевизоров. К нему даже в какой-то мере привыкли. Гораздо меньше говорят и пишут о *правовом идеализме*, который не столь глубоко проник в массовое сознание людей и в повседневный быт. Большинство российских граждан, наверное, и не подозревают о его существовании, не знают, что это такое. Между тем вред от правового идеализма ничуть не меньше, чем от правового нигилизма.

Надо сказать, что само понятие *правового идеализма* до некоторой степени условно. Термин «идеализм» употребляется здесь не в сугубо философском смысле (определенное мировоззрение), а в значении слов «идеализация», «идеалист», «идеальный», под которыми обычно подразумеваются отрыв от действительности, наивность, непрактичность, пре-краснодушные мечтания о прекрасном, совершенном, но не реальном. Это те случаи, когда о ком-то говорят: «Он неисправимый идеалист».

Подобного рода идеализм так или иначе проявляется во всех сферах жизни общества, в том числе правовой, что и дает основание называть его *правовым* или *юридическим*, в противоположность правовому (юридическому) нигилизму. Разумеется, можно говорить также о политическом, моральном и других видах идеализма. Что все это означает на практике, покажем на конкретных примерах из нашей недавней советской и постсоветской истории.

Известно, что в коммунистические времена излюбленным методом руководства «широкими трудящимися массами» было провозглашение громких политических лозунгов и починов, принятие «исторических», «судьбоносных», «эпохальных» решений и постановлений о дальнейшем развитии, повышении, усилении, укреплении чего-либо. Насаждался своего рода культ всевозможных пятилетних и более отдаленных планов и программ (общество-то было плановым), безоглядная вера в их магическую силу. И все они, как правило, переводились на язык законов, которые из-за этого сильно напоминали съездовские партийные резолюции.

Устанавливались даже сроки окончательного достижения мечты о светлом будущем, то есть идеальном счастливом обществе. Дутые лозунги, инициативы, обещания призваны были вдохновлять людей «на подвиги». Говоря словами Герцена, идеология ставилась выше фактологии. Строительство воздушных замков (точнее, бумажных) помогало жить в

* Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права.

мире иллюзий. Однако действительность быстро разрушала эти эфемерные храмы и возвращала в мир суровых реальностей.

Инерция политического и правового идеализма была затем продолжена и даже в известной мере усилена форсированными, но бессистемными планами «перестройки» страны во второй половине 80-х годов. Одним из печальных примеров юридического идеализма и крайнего субъективизма может служить так называемое «антиалкогольное законодательство», с помощью которого тогдашние советские лидеры попытались одним махом покончить с такой сложнейшей социальной и морально-психологической проблемой, как пьянство. Что из этого получилось – хорошо известно.

Столь же сумбурными, во многом авантюрными были многие прожекты мгновенного преобразования России в 90-х годах минувшего века, т.е. уже в период реформации. В этих планах ставились цели, для достижения которых западным странам понадобились столетия. Но хотелось сделать все сразу и как можно быстрее. Реальные возможности мало кого интересовали. Причем сделать надо было как «у них», без учета российских традиций и специфики. В результате многое попросту не приживалось на отечественной почве.

Существовала даже весьма популярная в то время программа под названием «500 дней». Именно за такой срок предполагалось трансформировать «развитой социализм» в «развитой капитализм», обеспечить переход от плановой экономики к экономике рыночной. А заодно сломать через колено менталитет упомянутых «народных масс», привыкших жить в другой системе и по другим правилам. Как ни удивительно, находились люди, которые верили в эти чудеса. Поистине, блажен, кто верует... Идеализм в чистейшем виде, помноженный на волюнтаризм!

И все это пытались осуществить не в последнюю очередь с помощью права, законов, указов, правительственных постановлений, словом – «декретов». При этом в период правления Ельцина доминирующим среди всех нормативных актов было так называемое «указное право», основанное на единоличной, ничем не связанной воле¹. Поскольку романтическим планам в намеченные сроки не суждено было сбыться, то и «романтическое право» вместе с ними потерпело фиаско – оно оказалось чисто бумажным, вера в него была утрачена или во всяком случае подорвана.

Конечно, жизнь не оставалась вне всякого правового регулирования. Действовали кодексы, Конституция, старые и новые (относительно реальные) юридические нормы. Но в целом законодательство того периода представляло собой «лоскутное одеяло», сотканное из сплошных противоречий. Бушевала война законов и властей, союзные и российские структуры находились в перманентном противоборстве. Советская система распалась, но на ее месте ничего устойчивого еще не сложилось. Реформы шли трудно и бестолково².

То же самое происходило и в общественном сознании, в частности правовом, которое было крайне неоднородным, деформированным, незре-

¹ См.: *Лучин В.О.* «Указное право» в России. М., 1996; *Лукьянова Е.А.* Указное право как российский политический феномен // Журнал российского права. 2001. № 10.

² См.: *Валовой Д.В.* Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991; *Поливанов В.П.* Технология великого обмана. М., 1995; *Гундарев И.А.* Парадоксы российских реформ. М., 1997; *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М., 1997.

лом. В нем содержались как прежние, устаревшие стереотипы, так и новейшие веяния и тенденции, отражались неустоявшиеся умонастроения различных слоев и групп населения, которое не успевало «переваривать» возникшие в стране катаклизмы. Смена социальных и идеологических ориентиров для большинства граждан оказалась неожиданной и болезненной. Отсюда – эклектика, «мешанина» в сознании. Таким оно по сути и остается до сих пор – брожение умов продолжается.

Среди множества противоречий, раздирающих сегодня российское общество, наблюдается и такое, как парадоксально-причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой – наивного правового идеализма. Как ни странно, оба эти явления, казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья.

В первом случае законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придается значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы. Массовое сознание требует принятия все новых и новых законов чуть ли не по каждому вопросу. Указанные крайности – следствие многих причин, без преодоления которых идея правового государства неосуществима.

Если правовой нигилизм в самом общем плане означает отрицание или недооценку права, то правовой идеализм – его переоценку, идеализацию. Оба эти явления питаются одними корнями – юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры. Указанные крайности, несмотря на их, как уже отмечалось, противоположную направленность, в конечном счете смыкаются и образуют как бы «удвоенное» общее зло. Иными словами, перед нами две стороны «одной медали».

Хотя внешне правовой идеализм менее заметен, не так бросается в глаза, явление это причиняет такой же вред государству, обществу, гражданам, как и правовой нигилизм. Он крайне деструктивен по своим последствиям. Осознается это, как правило, «потом», когда итог становится очевидным. Вот почему, борясь с правовым нигилизмом, не следует впадать в другую крайность – *правовой фетишизм, волюнтаризм, идеализм*.

На право нельзя возлагать несбыточные надежды, оно не всесильно. Наивно требовать от него большего, чем оно заведомо может дать, ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института. Непосильные задачи могут только скомпрометировать право. Поэтому его нельзя возводить в абсолют. От этого рудимента («родимого пятна») новому российскому общественному сознанию необходимо избавляться.

Между тем в условиях возникшей у нас еще в период «перестройки» правовой эйфории у многих сложилось убеждение, что достаточно принять хорошие, мудрые законы, как все сложнейшие и острейшие проблемы общества будут решены. «Вот примем пакет законов – и жизнь улучшится». Но чуда не происходило, законы принимались, а дела стояли на месте или даже ухудшались. В результате наступило известное разочарование в законах, появились признаки правового скепсиса.

Помнится, в разгар работы союзного парламента пресса в негативно-иронических тонах много писала о «магии», «девятом вале», «буме», «каскаде» законотворчества, о «мертворожденных» и полузабытых законах.

А один из депутатов мрачно сравнивал законодательные усилия коллег (и свои собственные) «с попытками вырастить сад в жестоких условиях пустыни. Иногда кажется, что законы, которые мы принимаем, отторгаются действительностью, как саженцы бесплодной почвой. И возникает чувство разочарования и безысходности»³.

В какой-то мере это продолжалось затем и в период деятельности бывшего Верховного Совета России, а также последующих созывах Государственной Думы. Оказалось, что быстрых и легких решений нет. Правовое «шапкозакидательство» не проходит, это – не тот путь⁴.

Оно и понятно – ведь законы сами по себе не могут накормить, одеть, обуть людей, улучшить их благосостояние, они могут лишь способствовать либо не способствовать этому, нечто закреплять, охранять, регулировать, распределять, но не производить. Поэтому уповать только на «скоростное» правотворчество – значит питать юридические иллюзии. Нужны прежде всего социальные, экономические, политические, культурные, организационные и иные меры плюс законы. Лишь совокупное действие всех этих факторов может дать желаемый эффект.

Закон, как известно, есть официальное признание факта и не более того. Он лишь оформляет, «протоколирует» реально сложившиеся отношения. «Право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» (К. Маркс). Данный тезис давно стал азбучной истиной и никем пока не опровергнут.

Ясно, что проводимые в нашем обществе преобразования нуждаются в надежном правовом обеспечении, но оно не может быть чисто волевым. Бессилие законов порождает все тот же нигилизм, неверие в реальную значимость принимаемых актов, в их способность изменить ситуацию. Законы не работают, значит, и отношение к ним безразличное, их престиж падает вместе с престижем власти.

Правовой идеализм породил у значительной части людей кризис веры в законодательные, а в более широком плане в парламентско-конституционные пути решения назревших проблем, в новые прогрессивные институты. Идеализмом с самого начала страдали некоторые лозунги перестройки, а затем и периода реформации (ускорение социально-экономического развития, искоренение пьянства, резкое повышение жизненного уровня народа, плавное и безболезненное развертывание демократии, гласность и др.).

Хотелось все это побыстрее воплотить в законах, закрепить юридически, провозгласить в конституциях. На деле же форсированного перехода общества из одного состояния в другое не получилось, ожидания затянулись. Наступило «социальное похмелье» – горькое и мучительное. Идеалистические, скороспелые прожекты, как правило, сурово мстят за себя. Это тот же нигилизм, только с обратным знаком. Особенно заметно было стремление сделать все, как у «них».

Ускоренное и, что более существенно, беспорядочное и неэффективное осуществление курса реформ разрушило многие иллюзии – надежду на лучшую жизнь, справедливость, высокие нравственные идеалы, гуманизм, реализацию основных прав человека. Произошло отчуждение власти от народа, а народа – от власти.

³ Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

⁴ Полудняков В. Кладбище мертвых законов // Российская газета. 2002. 22 нояб.

Новая демократия, освободив общество от тоталитарных пут, не сумела сама по себе обеспечить его поступательное развитие. А кое в чем произошёл откат назад. Было принято немало бесполезных, пустых, нереальных законов. В то же время многие важные сферы жизни общества до сих пор остаются вне правовой регламентации, хотя остро нуждаются в этом.

Заманчивые «рыночные» лозунги не осуществились, ожидания не оправдались. А главное — для большинства населения с самого начала было неясно, куда идем, чего хотим. Отсюда журналистские остроты: куда идем, не знаем, но что придем туда первыми, сомнений нет. Даже сегодня, по данным фонда «Общественное мнение», 46 процентов россиян полагают, что в целом мы идем «не туда».

Плавание вслепую, идеалистические представления о будущем благоденствии (чем не коммунистические мечтания!) завели страну в тупик, из которого она теперь с трудом выбирается. Поистине ни один ветер не будет попутным, если неизвестна конечная гавань. Призыв Е. Гайдара в начале реформ «надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность», мягко говоря, не оправдался⁵. А «прыжок», как известно, начался с того, что все цены одним махом были отпущены на «волю», над чем потом смеялись все здравомыслящие российские и зарубежные экономисты.

Распространению юридического идеализма способствовало и то, что у нас долгое время преобладал чисто прагматический подход к праву (орудие, инструмент, средство, рычаг и т.д.). Его не рассматривали как социальную и культурную ценность, гуманистическую идею, институт демократии. В соответствии с этим на право взваливали «неподъемный груз», возлагали слишком большие надежды, которые в дальнейшем не оправдывались.

Правовой скептицизм особенно усилился в разгар «шоковых реформ», когда общество отчетливо осознало, что многие законы, указы, принятые в период обновления, оказались малоэффективными и не привели к достижению желаемых целей, а некоторые дали отрицательный результат. Глашатай идеи «абсолютной свободы» Ф. Ницше писал: «Не говори мне, от чего ты свободен; скажи — для чего свободен»⁶. И в самом деле — для чего?

Еще будучи кандидатом в Президенты России, В.В. Путин констатировал: «В последние годы мы приняли сотни программ, решений, первоочередных мер. Но раз их так много, значит, они нереальны. Мы все время шли на поводу у событий, расхлебывая последствия собственных опрометчивых шагов»⁷.

Иными словами, выдвигались идеалистические, не выполнимые в данный момент цели и задачи, действовали наобум, куда кривая выведет. Последствия, результаты никто не просчитывал. Возник гигантский разрыв между законами и тем, что делалось ради ускоренных либеральных реформ. Забыли, что законы невесильны.

К сожалению, рецидивы прошлых уроков встречаются и сейчас, но уже в форме популизма, демагогии, посулов, наигранного оптимизма, упований на чудо и т.д. Как и раньше, принимаются законы, указы, постановления или отдельные юридические нормы, которые заведомо невыпол-

⁵ Гайдар Е. Прыжок к рынку // Правда. 1990. 16 апр.

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб., 1904. С. 7.

⁷ Путин В.В. Открытое письмо к российским избирателям // Известия. 2002. 25 февр.

нимы, а отражают лишь стремление их авторов бежать «вперед паровоза». Примеров тому много.

В 1993 г. Правительством РФ была одобрена явно скороспелая общероссийская программа «Жилье» (по типу успешно провалившейся союзной), которая предусматривала к 2000 г. трехкратное увеличение строительства нового жилья. Сегодня программа «Доступное жилье» продолжает осуществляться в рамках «нацпроектов». Дело, кажется, сдвинулось с места, хотя и медленно. В том же году принимаются Основы законодательства о культуре, затем о молодежи. Судьба та же. Не сработал печально знаменитый Указ Ельцина № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», так как не имел под собой никакой материальной основы. Впоследствии этот Указ был назван «агитпроповским». Таких необеспеченных (идеалистических) решений и программ набралось более чем достаточно. Грубо говоря, законы принимались, а денег не было. Желания и действительность расходились.

Нельзя, скажем, с помощью одних только правовых средств, в декретно-волевым порядке побороть бедность, преступность, коррупцию, алкоголизм, наркоманию. Эти средства должны использоваться в совокупности с другими мерами — экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными, организационными. Лишь тогда они могут дать желаемый эффект, а не остаться на бумаге. В России всегда страдала именно исполнительно-управленческая и контролирующая сторона дела (типичный пример — Закон о монетизации льгот).

Широковещательные обещания, раздача «векселей», пусть даже оформленных в виде законов и указов, означает, мягко говоря, правовой идеализм, а если сказать более резко, — сознательную правовую демагогию, создание иллюзий и «мыльных пузырей». Известно, что «потемкинские деревни» у нас строить умеют, особенно в период избирательных кампаний. Решения, послания, программы не должны быть заведомо невыполнимыми, рассчитанными лишь на «снятие напряженности». Их сиюминутность приводит затем к тяжелым, непоправимым последствиям.

Что касается *правовой демагогии*, то, как справедливо считает В.М. Баранов, она представляет собой «вечный спутник политико-юридической сферы и особенно активно используется в периоды крупных общественных преобразований. Правовая демагогия — разновидность социальной демагогии как родового понятия»⁸. И хотя правовой идеализм, правовой популизм и правовая демагогия — понятия не тождественные, на деле они во многом пересекаются.

Близким к правовому идеализму является понятие «правовые (или юридические) иллюзии», под которыми подразумеваются необоснованные надежды, несбыточные мечты, желания. По сути, это тоже форма проявления правового идеализма. В литературе нередко говорят о «конституционных иллюзиях». Например, Д.А. Ковачев делит их на два вида — те, которые касаются будущего, и те, что связаны с действующим порядком.

⁸ Баранов В.М. Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права: Научный сборник, посвященный 80-летию М.И. Байтина. Вып. 3. Саратов, 2001. С. 39–40; см. также: Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5; Дубровский Д.А. Полуправда: ее природа и социальные функции // Философские науки. 1990. № 11.

Но независимо от источника и вида конституционные иллюзии, по мнению автора, «объективно служат одной политико-психологической цели: одурманить, затемнить гражданское сознание людей». Далее Д.А. Ковачев подчеркивает: «Чтобы не стать наивными жертвами конституционных иллюзий, нельзя верить фразам и обещаниям, нужно пренебречь мелочами дня, засоряющими мозги, и все свое внимание сосредоточить на фактическом соотношении сил и возможностей общества»⁹.

Президент РФ в одном из своих выступлений ошеломил российских граждан весьма откровенным признанием: оказывается, объем социальных обязательств государства достиг к началу 2003 г. 6 трл руб. Далее он в категорической форме потребовал: «Нужно прекратить заниматься пустыми обещаниями, демагогией. Надо сказать народу правду, что государство может, а что не может. Мы уже столько наобещали, что, если бы даже захотели все исполнить, на это потребовалось бы два консолидированных бюджета страны. Это дискредитирует власть, она теряет доверие»¹⁰.

В данной связи лицемерно звучит, с позволения сказать, тезис либерального министра финансов РФ А. Кудрина, который как-то изрек: «Государство, с точки зрения юридической, легальной, — всегда право». В том-то и беда, что не всегда. Государство, особенно наше, российское, постоянно «юридически лжет», обманывает, лукавит, изворачивается, потом признает свои «ошибки», даже кается. И снова обманывает. Оно, к сожалению, не отличается честностью и порядочностью по отношению к своим гражданам.

Так было в советское время, так происходит и сейчас. Ваучерная приватизация обернулась грандиозным обманом, как, впрочем, и вся приватизация. Ограблением века называют «изъятие» многолетних сбережений граждан в начале реформ¹¹. Вторым «нокаутом» явился дефолт 1998 г., который Ельцин категорически отрицал за два дня до его наступления. А были еще жульнические залоговые аукционы, другие «жесткие игры» современных небольшевиков. Право как бы становится заложником официального лицемерия, само оказывается источником юридического нигилизма, отчуждения и вражды.

В декабре 1990 г. молодым российским парламентом была принята правовая норма, согласно которой «ущерб, нанесенный собственнику преступлением, возмещается государством по решению суда». Это привело к тому, что иски на каком-то этапе удовлетворялись, но реально не исполнялись, ибо казна была пуста, а преступлений, как и сейчас, совершалось великое множество.

Только в 1995 г. с введением в действие первой части нового Гражданского кодекса указанная статья утратила силу. В данном случае наивность, идеализм проявились особенно наглядно и причинили огромный моральный вред, который во многих случаях является более существенным, чем материальный. Ведь за пять лет «потерпевшие», надо полагать, окончательно утратили веру в право, суд, закон, власть.

Постоянные «дебаты», а также всевозможные указы, постановления и другие акты о борьбе с коррупцией, преступностью давно охарактеризо-

⁹ Ковачев Д.А. Проблемы конституционного права. М., 2003. С. 102.

¹⁰ Российская газета. 2003. 19 февр.

¹¹ См. подробнее: Поливанов В.П. Технология великого обмана. М., 1995; Максимов А.А. Бандитизм в белых воротничках: как разворовали Россию. М., 1999.

ваны в печати как пустопорожние словопрения о благих намерениях. Они не только не привели ни к какому прорыву в данной области, а, наоборот, усугубили положение, послужили как бы «дымовой завесой», имитацией борьбы. В настоящее время через Госдуму проходит очередной закон о противодействии коррупции. Интересно, сработали?

В народе укоренилось мнение: закон все может. И это несмотря на неуважительное, мягко говоря, отношение к нему. Данный парадокс еще раз показывает, что правовой нигилизм и правовой идеализм — два полюса одного явления, которое отражает наш российский менталитет. Поистине — загадочный феномен.

Ведь ясно, что нельзя, например, декретом сверху ввести мир и согласие в стране, ибо это напоминало бы предложение известного литературного персонажа установить с помощью закона единомыслие в России. Каждому понятно, что единение и сплоченность людей достигаются совсем иными путями. Тем не менее попытки административно-волевого решения данной проблемы в эпоху Ельцина предпринимались, и этим сама идея была дискредитирована. Сегодня эта тема вообще перестала обсуждаться.

Элементы идеализма и правового романтизма содержит российская Декларация прав и свобод человека и гражданина 1991 г., ибо многие ее положения в нынешних условиях неосуществимы. Она еще долгое время будет восприниматься обществом как некий свод мало чем пока подкрепленных общих принципов или своего рода торжественное заявление о намерениях и желаниях, а не как реальный документ. Впрочем, о ней уже давно забыли.

Известным забеганием вперед можно считать первую статью Конституции РФ, гласящую, что Россия уже сейчас является правовым государством. Тем самым желаемое принимается за действительное. Не случайно еще в президентском Послании Федеральному Собранию 1994 г. это положение было как бы дезавуировано: «Мы должны признать — в России пока нет полноценного демократического правового государства».

О заманчивой идее правового государства мечтали даже некоторые русские самодержцы (Екатерина II, Александр I, Александр II). Однако эти красивые мечты так и остались мечтами. Да и не могли они быть реализованы в тех условиях. В какой-то мере все наше «перестроечное», а затем и «реформаторское» законодательство грешит идеализмом, прожектерством, популизмом.

Но подлинная беда состоит в том, что даже хорошие и нужные законы не работают. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их реализации, в других (и это главная причина) — из-за того, что вокруг простирается ненормальная среда их функционирования. Прочувствуется нравственный, политический и правовой нигилизм, общественные отношения находятся в состоянии неустойчивости, зыбкости, законы бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в нужное русло. В этом смысле право испытывает небывалые «перегрузки», оно не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями.

Прямое влияние на эффективность законов оказывают падение морали, девальвация духовных ценностей, распущенность, вседозволенность, другие социальные аномалии. Давно было сказано: бессмысленны законы в безнравственной стране. Многократно обманутый народ не верит больше

власти, так как она сама нарушает моральные нормы, свои обещания. Не верит, даже если у нее благие намерения, объективно верные решения¹².

Поэтому, если тот или иной закон не работает, это еще не означает, что он плох. Важна среда, атмосфера, внешние условия. Не все зависит от самого закона. Проблема сложнее. Определенные слои населения психологически не готовы к тем или иным переменам, нередко сопротивляются им. Юридические нормы не могут развеять тугие клубки возникающих противоречий, а в ряде случаев встречают противодействие. Предписания сверху во многих случаях внутренне не воспринимаются теми, на кого они рассчитаны. В этих условиях законы существуют как бы сами по себе, а жизнь сама по себе.

И это тоже идеализм, ибо законодатели, исходя из своих высоких целей, идей, замыслов, конвейерно «выдают на гора» законы, заведомо зная, что они не достигают конечных целей. Нередко важнейшие акты застревают на полпути к своим непосредственным адресатам, их стопорит чиновничья бюрократия в силу общей разболтанности, бесконтрольности и коррупционности. Среди новой номенклатуры есть и те, кто к любым начинаниям относится, как и прежде, по принципу: важно вовремя «прокукарекать», а там пусть хоть не рассветает.

Конечно, издаются и качественные, полноценные законы, за которыми стоит ум, опыт, старание их создателей, но, как заметил русский историк В.О. Ключевский, «можно иметь большой ум и не быть умным, как можно иметь большой нос и быть лишенным обоняния». Ум надо еще реализовать, поставить на службу обществу, людям. Иначе он мертв и бесполезен. «Умных» бездельников и советников у нас немало.

Абсолютизация права, наделение его чудодейственными свойствами сродни поклонению искусственно созданному идолу. Такое обожествление явления – это существование в мире иллюзий. Отсюда – лавинообразный поток законов и указов за последние десять лет, поиск спасения именно в них. Только сейчас общество осознает, что полоса ускоренного «демократически-романтического» правотворчества прошла. Требуется более трезвый и реальный подход.

Власть бессильна заставить законы работать, поэтому она их просто издает. Но законодатель не вправе идти на поводу у обыденного сознания – надо срочно принять такой-то закон; он обязан смотреть дальше, предвидеть последствия. Правовое самообольщение опасно, ибо оно порождает беспочвенные надежды, убаюкивает общество. Попытки «пришпорить» социальный прогресс с помощью одних только законов, как правило, заканчивались конфузом.

Примеров тому немало, и из них необходимо извлекать уроки. Прежде всего это ведет к девальвации законов, которые начинают работать вхолостую, создавая видимость решения проблем и принося не пользу, а вред. Между тем истинная, а следовательно, эффективная правовая норма – это такая норма, которая адекватно отражает действительность¹³. Журналисты острят: столько законов Дума издает, а народ жалуется на беззаконие.

Еще древние говорили: в наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов. Не случайно один из наших российских депута-

¹² Подробнее см.: *Цыбулевская О.И.* Мораль, право, власть. Саратов, 2004.

¹³ Подробнее см.: *Баранов В.М.* Истинность норм советского права. Саратов, 1989.

тов Госдумы (А. Беспалов) как-то воскликнул: «Зачем нам 300 законов в год? Кто их читает?». Сейчас всем ясно: сотней или даже тысячей законов положения не изменить, если только они не подкрепляются другими мерами. Полоса законодательного шапкозакидательства прошла.

В прессе и в литературе не раз отмечалось: законодатели, видя, сколь незначительно влияние их актов на ситуацию в обществе, то и дело пытаются включиться в непосредственное управление страной, расширяя тем самым свою компетенцию. С другой стороны, исполнительная власть осуществляет экспансию в область законотворчества, создавая правовые акты под сиюминутные нужды управления. *К правовым же идеалистам* следует отнести всех тех, кто полагает возможным навести порядок в стране исключительно с помощью юридических установлений».

Возникает вопрос: что надо делать раньше – создавать условия или принимать законы? Очевидно, и то и другое. Противопоставление этих двух начал неверно и контрпродуктивно. Законодательные и общественные процессы должны развиваться синхронно, они взаимозависимы. Между тем нередко наблюдаются ситуации, когда юридические нормы либо забегают вперед, либо принимаются «вдогонку». Бывает и так, что законы, указы издаются не в целях их реального воздействия на общественные отношения, а для снятия недовольства и напряженности, особенно в социальной сфере.

Подобные акты, заявления носят в основном популистский характер и не решают проблем по существу, а загоняют их вглубь. Достигается лишь временный и обманчивый эффект. Потом эти проблемы возникают вновь, но уже в более острой форме. Усилия тратятся на «гудок», а не на реальное движение. В нашей литературе уже обращено внимание на связь права и популизма¹⁴.

Иллюзии владеют многими людьми, в том числе и законодателями, которые убеждены, что с помощью законов одним махом можно реформировать страну, исцелить общество от болезней. В президентском Послании Федеральному Собранию 2000 г. говорилось: «Мы стали заложниками модели экономики, основанной на популистской политике. Утвердилась государственная ложь. Мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием. Просто из политической конъюнктуры продавливаем те или иные решения».

В печати нередко делят законы на хорошие, плохие и никакие. Никакие – это значит ненужные, ничего не значащие, не имеющие под собой ни моральной, ни материальной основы. Соответственно, они и не воспринимаются теми, на кого рассчитаны. В лучшем случае они вызывают сначала какие-то ожидания, потом разочарование, а затем злость на власть и ее правовую систему. Таких пустых, нереальных законов, к сожалению, много, и они наносят огромный вред правосознанию людей.

К сожалению, элементы идеализма укоренились не только в законотворчестве – они наблюдаются в своеобразных формах и в правоприменительной практике. В частности, это касается российских судов, которые иногда выносят нереальные, заведомо неисполнимые, вызывающие недоумение у всех здравомыслящих людей решения. Свежий пример. Недавно один из районных судов Бурятии обязал двух поджигателей леса (по не-

¹⁴ См.: Малько А.В. Популизм и право // Правоведение. 1994. № 1.

осторожности) возместить причиненный государству материальный ущерб в размере свыше миллиарда рублей с каждого. Поджигатели – безработные, по сути – бомжи. Что это – «святая наивность», насмешка, самообман, отрыв от реальности, крайний формализм? Назовем это явление в контексте нашей статьи судебским идеализмом. Как известно, у Фемиды правосудия на глазах повязка и она мешает ей видеть мир таким, каким он есть на самом деле¹⁵.

Особенно опасен идеализм в большой политике, где он неизбежно приводит к серьезным и далеко идущим последствиям. Например, М.С. Горбачев много раз заявлял, что он в свое время (на исходе «холодной войны») вел переговоры с тогдашним госсекретарем США Бейкером о том, что НАТО не будет расширяться на Восток. Ему дали такие обещания, но все это не было зафиксировано в каком-либо юридически значимом документе, гарантирующем выполнение данных заверений. Поверил словам, понадеялся на джентльменское поведение. Результат известен. Теперь бывший Генсек (в порядке сожаления и самооправдания) ссылается на то, что, мол, сохранились аудиозаписи переговоров, но их, как говорится, к делу не пришьешь. Оппоненты М.С.Горбачева окрестили его за это «идеалистом-мечтателем». Разве он не понимал, будучи партгосаппаратчиком с большим стажем, что в политике никто не придерживается словесных обещаний, честности, порядочности, моральных принципов. Вторая непростительная ошибка первого и последнего президента СССР – согласие на поспешный вывод наших войск из Восточной Европы без каких-либо компенсаций со стороны Запада. Этого ему также не могут простить. Таковы плачевные плоды политико-правового идеализма, проявленного когда-то нашими вождями. Слава Богу, уроки из всего этого сегодня, кажется, извлечены. Время уступок, сомнительных компромиссов, наивной доверчивости прошло. Главным стали учет и защита национальных интересов, требования встречных шагов.

В литературе высказана точка зрения, согласно которой не стоит рассматривать правовой идеализм как исключительно негативное явление. Так, по мнению В.В. Сорокина, «декларирование правовых идеалов можно признать допустимым в переходный период в качестве варианта правового идеализма. Умеренный правовой романтизм поддерживает уважение к праву, раскрывает резервы творческой активности субъектов правовой деятельности»¹⁶.

«Допустить», конечно, можно, ибо мечтать, желать, грезить, как говорится, не вредно. Но память подсказывает, что уж слишком долго мы мечтали о будущем («отложенном») счастье, которое так и не наступило. Ложные ожидания «согревали душу», служили оправданием социальной неустроенности и лишений миллионов людей, но в конечном счете закончились крушением всех этих надежд, обманом. Сегодня, пожалуй, больше востребованы не заманчивые «романтические идеалы», а здоровый прагматизм, реализм, здравый смысл. Поэтому нам кажется, что правовой идеализм, особенно в его наиболее гипертрофированных (практических) формах, все же нежелателен и вреден. Жизнь в мире иллюзий ушла в прошлое.

Не совсем ясной также представляется мысль В.В. Сорокина о том, что «правовой» романтизм может проявляться в форме правового *негати-*

¹⁵ См.: Миллиард условно // Российская газета. 2008. 27 авг.

¹⁶ См.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Под ред. С.В. Полениной и Е.В. Скурко. М., 2006. С. 481.

визма – осознанного *игнорирования* (?) правовых норм ввиду соблюдения новых правовых идей, пока не закреплённых в нормативно-правовых актах¹⁷. Получается, что пока «новые правовые идеи» никем и никак не зафиксированы, т.е. не оформлены в виде определенных правил поведения, действующие юридические нормы можно нарушать, не соблюдать, «игнорировать». Но это не «правовой романтизм», а правовой нигилизм.

Продолжение реформ в России требует прочной правовой основы, особенно в экономической сфере. Однако при этом важно иметь четкое представление *о пределах и реальных возможностях* юридических законов, путях их воплощения в жизнь. Давно сказано: чтобы не разочаровываться, не следует очаровываться. Обществу необходимо преодолеть как правовой нигилизм, так и правовой идеализм, которые питают друг друга.

¹⁷ См.: Правовая система России в условиях глобализации...